

Каменский Кирилл Владимирович, студент 4 курса филологического факультета, Курский государственный университет

e-mail: kirill.kamenskiy@list.ru

Научный руководитель: Подосинникова Руслана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курского государственного университета. e-mail: rus.gol@mail.ru

ПОЭТИКА МЕТАМЕТАФОРЫ К.А. КЕДРОВА В СВЕТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В статье анализируется понятие метаметафоры в качестве элемента поэтико-философской концепции К.А. Кедрова. Рассматривается интертекстуальный аспект творчества поэта. Для описания частных случаев предполагаемых отсылок в невербализованном тексте предлагается понятие нулевого интертекста, даётся его характеристика, а также рассматривается конкретное проявление феномена в творчестве К.А. Кедрова.

Ключевые слова: К.А. Кедров, метаметафора, интертекстуальность, интертекст, инсайдаут, нулевой текст, нулевой интертекст.

Kirill Vladimirovich Kamensky, 4th year student, Faculty of Philology, Kursk State University

e-mail: kirill.kamenskiy@list.ru

Supervisor: Podosinnikova Ruslana Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department of Kursk State University. e-mail: rus.gol@mail.ru

POETICS OF METAMETAPHORA K.A. KEDROV IN THE LIGHT OF INTERTEXTUALITY

The article analyzes the concept of *metametaphore* as an element of the poetic and philosophical concept of K.A. Kedrov. The intertextual aspect of the poet's work is considered. To describe particular cases of alleged references in an un verbalized text, the concept of zero intertext is proposed, its characteristic is given, and a specific manifestation of the phenomenon in the work of K.A. Kedrov is also considered.

Key words: K.A. Kedrov, *metametaphore*, intertextuality, intertext, insider, zero text, zero intertext.

Проблематика метаметафоры остаётся актуальной и любопытной как для специалистов в области языкознания и литературоведения, так и для читателей, решивших ознакомиться с поэзией русского постмодернизма. Интерес к необычному художественному методу отчасти обусловлен отсутствием его чёткой дефиниции. Обращаясь к «Заметкам о “мета”» В.В. Аристова, можно сказать, что и на сегодняшний день «мета» есть то, что мы «пытаемся осознать» [Аристов 1997: 49].

К.А. Кедров, автор термина, определяет его слишком размыто. Ни в одной из работ поэта мы не найдём прямого описания метаметафоры. К.А. Кедров характеризует её с помощью аналогий или понятий, которые, в сущности, сами являются *метаметафорами*. Выходит, что термин объясняется через себя: «Метаметафора отличается от метафоры, как метagalaktika от галактики» (Новый Альмагест, 403), «...Метаметафора – это зримый эйдос» (Новый Альмагест, 341), «Метаметафора – это поэтическое отражение вселенского метакода...» [Кедров 1989: 256], метаметафора – это «метафора, где каждая вещь – вселенная» (Новый Альмагест, 274), «Метаметафора – это проекция трехмерного зрения в четырехмерный континуум пространства-времени» (Новый Альмагест, 405) и проч.

В поэтико-философской системе К.А. Кедрова всё сущее одновременно окружает человека и в нём же присутствует («Очевидно, что мы внутри мироздания, но мироздание – внутри нас» [Кедров 2003: 191]), каждая область

мироздания сливается во взаимном бытии причинности и причастности. Об этом программное стихотворение К.А. Кедрова «Компьютер любви», которое считается манифестом метаметафоры:

ЧЕЛОВЕК – ЭТО ИЗНАНКА НЕБА

НЕБО – ЭТО ИЗНАНКА ЧЕЛОВЕКА

(Компьютер любви, 3)

В приведённых строках лучше всего раскрывается сущность метаметафоры как «описания выворачивания – инсайдаута» (Новый Альмагест, 245). Выворачивание – «это лишь образ, дающий возможность почувствовать и понять момент исчезновения внутреннего и внешнего» (Новый Альмагест, 243). Рационализированная метаметафора строится по модели двух обуславливающих друг друга понятий с явным или подразумеваемым ядром-связкой (признаком соотнесения) в центре. В приведённых выше строках такой связкой выступает слово «изнанка». Взаимная обратимость образов нередко осуществляется в поэзии К.А. Кедрова с помощью нетипичного использования интертекстуальности:

<i>Червонный червь заката путь проточил в воздушном яблоке и яблоко упало Тьма путей прочерченных червем все поглотила как яблоко Адам То яблоко вкусившее Адама теперь внутри себя содержит древо а дерево</i>	<i>вкусившее Адама горчит плодами – их вкусил Адам Но для червя одно – Адам и яблоко и древо На их скрещенье червь восьмерки пишет Червь вывернувшись наизнанку чревом в себя вмещает яблоко и древо (Новый Альмагест, 425)</i>
---	--

Во-первых, отметим аллитерационный повтор «червонный червь», в

котором используются этимологически родственные слова, восходящие к *чървь* (праславянская форма – *čьrǫvь) [Фасмер: IV: 335–336]. Во-вторых, следует заострить внимание на выделенной нами строке, где созданный автором образ достигает семантического пика. По книге Бытия нам известно, что Адам и Ева, отведав запретный плод (традиционно им считается яблоко [Руцинская 2016: 687–688]), были изгнаны из рая. К.А. Кедров берёт за основу библейский сюжет о грехопадении и репрезентует его посредством метаметафорического образа червя-чрева. Здесь этимология тесно спаивается с интертекстом.

«Тьма путей / прочерченных червем» в яблоке оборачивается нитями будущего на Земле (т.е. судьбой, участью), и, съев его, Адам будто бы поглощает линию мировых событий. На это важное для современной физики понятие К.А. Кедров часто ссылается в «Поэтическом космосе» (напр., здесь: «На сферической поверхности мира **линия мировых событий** рано или поздно должна сомкнуться, как всякая искривленная линия, и, стало быть, повториться» [Кедров 1989: 188]). Яблоко интерпретируется как космос, который бороздит червь-странник, подобно ищущим себя и Бога пилигримам. «Выворачиваясь», червь поглощает космос, поэтому «*в себя вмещает яблоко и древо*». Стихотворение находится в теснейшей связи с посвящённой ему статьёй в «Энциклопедии метаметафоры», содержание которой согласуется с нашей интерпретацией: «Построено на анаграмме слов “червь” и “чрево”. Одна из первых попыток передать выворачивание. Яблоко – космос, червь – человек. Двуетное тело человек-космос образует Адама в Еве. Адам-Ева – вечное двуетное тело космоса» (Новый Альмагест, 197). Иная степень интертекстуальности представлена в апофатический поэме «Утверждение отрицания»:

*Я мыслю следовательно существую
я существую следовательно не мыслю
я мыслю следовательно не существую*

<...>

«Бог есть субстанция с бесконечным множеством атрибутов»

«Бог есть субстанция с бесконечным множеством...»

«Бог есть субстанция с бесконечным...»

«Бог есть субстанция...»

«Бог есть...»

«...»

(Новый Альмагест, 392)

К.А. Кедров вступает в философский дискурс, цитируя известных мыслителей. В рамках трёх строк поэт доходит от концепции, выраженной в известном афоризме французского просветителя Р. Декарта «*Cōgitō ergō sum*» («Я мыслю, следовательно, я есть»), до идеи Д. Юма о том, что «“я” – это гипотеза или теория», что «я» не существует [Роулендс]. Переходя в область теологии, автор цитирует Б. Спинозу и, построчно сокращая состав предложения, увеличивает область смыслового содержания. Доходя таким образом до умозрительного доказательства бытия Бога («Бог есть...»), в следующем стихе К.А. Кедров оставляет только пустоту многоточия. Она может обозначать как окончательное утверждение высказывания (завершение рассуждения, поскольку тезис доказан), так и его отрицание (в строке остаётся пунктуационный знак, хотя по аналогии с предшествующими должно было остаться слово «Бог»). Но вернее всего отказаться от призмы строгой логики и использовать «метаметафорическое зрение» (Новый Альмагест, 221, 257). Только обе интерпретации, предстающие в качестве двух полюсов относительности, равно возможны в данном контексте. (Следует, однако, заметить, что в другой редакции строка с многоточием заменяется на следующий стих: *«Бог...»* (ИЛИ, 133). Это более чётко отражает авторскую интенцию и согласуется с определением поэмы как *апофатической*, т.е. доказывающей бытие Бога от обратного, но в то же время сужает область метаметафорической неопределённости и уменьшает роль читателя в качестве сотворца.)

Поэтика К.А. Кедрова тем и примечательна, что в ней *«я мыслю следовательно существую»* и в то же время *«я мыслю следовательно не существую»*. Такой порядок вещей согласуется с обобщённым принципом

дополнительности Н. Бора, по которому «всякое истинно глубокое явление природы не может быть определено однозначно с помощью слов нашего языка и требует для своего определения по крайней мере двух взаимоисключающих дополнительных понятий» [Пономарёв 1971: 189], «любое фундаментальное явление мира должно описываться с двух противоположных позиций, которые не следует объединять в синтез, как предлагал Гегель» (Новый Альмагест, 223). Одинарное построение не может быть сразу исчерпывающим и истинным, ведь это противоречит теореме о неполноте К. Гёделя: «Если высказывание верно, оно неполно, если высказывание полно, оно неверно» (Новый Альмагест, 297).

В разобранных выше фрагментах поэтических произведений и научных работ К.А. Кедрова как нельзя лучше проявлена тонкая связь между творчеством и описываемой автором концепцией. Пожалуй, отделяя поэзию К.А. Кедрова от его философских изысканий, читатель потеряет целый клубок интертекстов, которые углубляют понимание творчества.

Проанализировав вербально невыраженный текст (многоочие из поэмы «Утверждение отрицания»), мы плавно подошли к рассмотрению любопытного текстологического и семиотического явления. Ю.М. Лотман писал, что «говорить о невыраженном содержании – нонсенс», однако уточнял, что «выражение может быть реализовано значимым нулем, присутствовать как отсутствие» (напр.: «*И лишь **молчание** понятно говорит...*» В.А. Жуковского) [Лотман 2010: 12]. Важно отметить, что название художественного текста может выполнять функцию аккумулятора его содержания в таких случаях, когда непосредственно произведение представляет из себя пустую страницу. Подобные феномены Ю.Б. Орлицкий охарактеризовал как *нулевой текст* [Орлицкий 1997: 270].

На фоне данного термина мы будем говорить о таком явлении, как *нулевой интертекст*. Он представляет собой такой случай нулевого текста, который либо комментируется вербализованным синтаксическим целым, либо включает в название любую интертекстему, благодаря которой предполагается, что нулевой текст снабжён отсылками на реальные прецедентные феномены.

Примером нулевой интертекстуальности выступает взаимодействие частей имеющего двухчастную композицию «Новогоднего сонета» Г. Сапгира: «“1. Новогодний сонет”, состоящий из заглавия и пустой страницы, и “2. Сонет-комментарий”, состоящий, как положено, из четырнадцати традиционно рифмованных строк. Причем это действительно своего рода комментарий к ненаписанному (или стертому?) сонету» [Орлицкий 1997: 272–273]. «Сонет-комментарий» Г. Сапгира – яркий образец нулевого интертекста, поскольку он, отсылая к пустоте, её описывает: *«На первой строчке пусто и бело / Вторая – чей-то след, порошей стертый, / На третьей – то, что было и прошло / И зимний чистый воздух на четвертой»* [Орлицкий 1997: 273].

Иллюстрацией «значимого нуля» (и нулевого интертекста) в творчестве К.А. Кедрова служит «Комментарий к отсутствующему тексту», который самим названием переворачивает (разумеется, только на уровне смысла, то есть с литературоведческой точки зрения) оппозицию *текст/интертекст*:

Этот текст является комментарием к отсутствующему тексту. Хотя отсутствующий текст является комментарием к этому тексту.

В отсутствующем тексте множество гипербол, метафор, синекдох, метафизических аллюзий, но все они могут быть истолкованы и в обычном смысле.

Обычный смысл второстепенен, но в то же время именно он – главный (Компьютер любви, 169).

В самом произведении утверждается его вторичность по отношению к некоему «первотексту», другому «произведению», которого, однако, нет. Любопытно, что «Комментарию...» в сборнике «Компьютер любви» предшествуют почти полторы пустые страницы – нулевой текст (Компьютер любви, 168–169), аналогичный первой части «Новогоднего сонета». Скорее всего, К.А. Кедров создал данное стихотворение под влиянием упомянутого произведения Г. Сапгира, которое датировалось «автором 1975 годом» [Орлицкий 1997: 272], в то время как «Комментарий к отсутствующему тексту» был впервые опубликован в 1990 г.

«Комментарий...» – это одновременно уникальная и абсурдная фигура интертекста, связывающая нас с пустотой несозданного. Берясь за разбор «Комментария...», мы анализируем именно тот «отсутствующий текст», который описывается. Мы словно находимся в пространстве перед платоновским эйдосом и пытаемся постичь смысл посредством рассмотрения его «тени». Но мы полностью зависим от тех сведений, которые нам сообщает автор, и не можем до конца доверять описанию. Тем не менее текста, который комментируется, не существует, поэтому ни проверить, ни опровергнуть суждения поэта мы не можем. Метаметафора здесь – в отсутствии самого изображаемого предмета, в абстракции абстрактного, в «значимом нуле», который и является, и не является нулём. Нулевой интертекст представляет собой невербализованный концепт, имманентно связанный с определённым прецедентным текстом.

Нестандартное использование интертекста в поэтике К.А. Кедрова служит изофункциональным средством не только для создания художественных образов, но и для иллюстрации авторской философской системы. Межтекстовые связи наглядно демонстрируют явление инсайда и метаметافору как его поэтическое выражение. Творчество К.А. Кедрова характеризуется прекрасно реализованной формально-семантической спаянностью и целостностью.

Список литературы и источников:

1. Аристов В.В. Заметки о «мета» // Журнал поэзии. М.: Изд. дом Русанова, 1997. Вып. 4 (16). С. 48–60.
2. Кедров К.А. Поэтический космос / Предисл. Вл. Гусева., Полемич. заметки Г. Куницына. М.: Советский писатель, 1989. 480 с.
3. Кедров К.А. Поэтическое познание. Метакод. Метаметафора // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века: Материалы Международной научно-общественной конференции, 2003. В 3 т. Т.1. М.: Международный Центр Рерихов, 2004. С. 286–292.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000.

704 с.

5. Орлицкий Ю.Б. Minimum minimorum: отсутствие текста как тип текста // Новое литературное обозрение, 1997. № 23. С. 270–278.
6. Пономарев Л.И. По ту сторону кванта. М.: Молодая гвардия, 1971. 262 с.
7. Роулэндс М. Мыслю, следовательно, существую // Философ на краю Вселенной. НФ–философия, или Голливуд идет на помощь: философские проблемы в научно–фантастических фильмах [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/3680> (дата обращения: 09.02.2022).
8. Руцинская И.И. Сюжет о грехопадении в европейской живописи III–XIII веков: стратегии изображения «запретного плода» // Культура и искусство, 2016. № 5. С. 675–689.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987.
10. ИЛИ – Кедров-Челищев К.А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1: Или Пoesия. 2-е изд., доп. Калининград: Калининградская книга, 2017. 468 с.
11. Кедров К.А. Компьютер любви: Стихотворения и поэмы. М., 1990. 175 с.
12. Кедров-Челищев К.А. Новый Альмагест: Собрание сочинений. Т.1: Инсайдаут / Ред.-сост. Е.А. Кацюба. М.: «ДООС», 2017. 443[1] с.